

Θ. М. Достоевскій на каторгѣ. Въ газетѣ „Кавказъ“ напечатаны воспоминанія о Θ. М. Достоевскомъ г. Южнаго. Въ этихъ воспоминаніяхъ, между прочимъ, находимъ слѣдующій рассказъ одного изъ сотоварищей Θедора Михайловича по каторгѣ, Рожновскаго.

„Каторга имѣетъ свои законы, и каторжники строго слѣдятъ за точнымъ выполненіемъ ихъ. Иного и сами зарѣжутъ. Тамъ законъ Линча въ ходу. У насъ на счетъ женщинъ было строга, и всѣ ватажники горой стояли другъ за друга въ этомъ дѣлѣ. Каждый изъ насъ по очереди дежурилъ по вечерамъ, когда проходили прачки изъ прачешной, а Достоевскій отказался отъ дежурства, когда очередь дошла до него. Въ другой разъ онъ досталъ отъ солдата листикъ махорки. По тамошнимъ правиламъ, если кто достанетъ табаку, то половину беретъ себѣ, а другую половину дѣлятъ на нѣсколько частей и затѣмъ бросаютъ жребій, кому достанется. Достоевскій же и отъ своей части отказался, и жребій не захотѣлъ бросать: раздѣлилъ пополамъ между двумя цыготными. Вотъ на него и взѣлись „большаки“ наши: „что ты порядки сюда новые вводить пришолъ“, говорятъ; хотѣли „крышку“ сдѣлать, но здѣсь Достоевскаго спасло одно обстоятельство. Однажды, въ цинѣ одному изъ каторжниковъ попался какой-то комокъ. Развернули, посмотримъ: тряпка и въ ней кости и еще какая-то гадость. Можетъ быть, нечаянно попало, а можетъ кто и нарочно бросилъ. Тотъ, къ кому попалъ этотъ комокъ, хотѣлъ бросить его и смолчать—старый былъ арестантъ, зналъ порядки, а Достоевскій говоритъ: „надо жаловать; если ты боишься, давай мнѣ“. Хотѣли мы его предупредить, чтобы онъ не жаловался, да „большакъ“ запретилъ. Вотъ при повѣркѣ и выходитъ Достоевскій съ тряпкою впередъ. Набросились тутъ на него плацъ-маіоръ и ключникъ: „ты это нарочно выдумалъ, чтобы бунтъ поднять. Эй, кто видѣлъ, что это было у него въ чашкѣ, выходи“? Арестанты молчатъ, „большаковъ“ боятся. Хотѣлъ было я выйти, да думаю: одинъ въ полѣ не воинъ, если не „большакъ“, то начальство заѣстъ. А знаете, вѣдь, своя рубашка ближе къ тѣлу. Простоялъ плацъ-маіоръ, видитъ—всѣ молчатъ.

— Въ кордегардію! Пятьдесятъ!

Увели Достоевскаго. Прележалъ онъ потомъ недѣли двѣ въ больницѣ, затѣмъ выписали—выздоровѣлъ. Вотъ этотъ случай и спасъ его отъ „крышки“. Онъ теперь уже сдѣлался своей, „крещенный“, „за ватагу пострадалъ“.

Черезъ годъ, Достоевскій вынесъ отъ того же плацъ-маіора новую жестокую экзекуцію, отъ которой мѣсяцъ пролежалъ въ госпиталѣ. Кромѣ рассказа объ этихъ ужасныхъ испытаніяхъ покойнаго писателя, авторъ воспоминаній приводитъ еще очень характерный рассказъ, того же Рожновскаго, объ одномъ случаѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, какою нравственной силой проповѣдническаго убѣжденія обладалъ покойный авторъ „Карамазовыхъ“:

У плацъ-маіора была гувернантка, молоденькая дѣвушка. Шла упорная молва, что онъ состоитъ съ нею въ любовной связи и что она, какъ говорится, держитъ его въ рукахъ. Звали ее арестанты Неткой и боялись, какъ огня: настоящая змѣя была, подѣ-стать плацъ-маіору. Про нее рассказывали, что когда, бывало, сѣкутъ въ кордегардіи, то она подходитъ къ замку и слушаетъ крикъ. Впрочемъ, я этому не вѣрю. У Нетки были ручные голуби, которыхъ она привезла изъ Россіи и очень за ними ухаживала. Голуби эти часто залетали къ намъ во дворъ и многіе изъ нашихъ зарились на нихъ, но надсмотрщики еще зорче слѣдили, чтобы ихъ не ловили. Одинъ молодой голубъ сильно привязался къ Достоевскому. Тотъ кормилъ его хлѣбомъ, и онъ каждый день прилеталъ къ нему за своей порціей. Сначала сторожа возставали противъ этого, но потомъ, видя, что Достоевскій вреда голубю не дѣлаетъ, начали смотрѣть сквозь пальцы. Пришлось намъ, однажды, идти обжигать алебастръ, а путь лежалъ мимо плацъ-маіорскаго дома. Работа эта тяжелая, и потому насъ отпустили въ замокъ раньше обыкновеннаго. Поровнялись мы съ плацъ-маіорскимъ домомъ, вдругъ смотримъ, Нетка голубей кормитъ. Достоевскому пришла въ голову взбалмошная мысль свиснуть на голубей. Всястая поднялась на воздухъ, а голубъ Достоевскаго—видно узналъ его,—подлетѣлъ къ нему близко и вьется надъ головой. Нетка выскочила на дорогу и прямо бросилась къ Достоевскому.

— Это ты приманиваешь моихъ голубей, разбойникъ; постой я тебѣ задамъ.

Не помню право, что отвѣтилъ ей на это Достоевскій, кажется, сказалъ, что она хуже безсловеснаго животнаго, знаю только, что сказалъ сильную и внушительную фразу. Нетка такъ и замерла на мѣстѣ. Далеко мы уже отошли отъ плацъ-маіорскаго дома, а она все стоитъ; потомъ, смотрю, закрыла лицо руками и тихо пошла въ домъ.

Мы всѣ ожидали, что эта вспышка дорого обойдется Достоевскому, между тѣмъ, ничего,—прошло благополучно. Потомъ, недѣли черезъ двѣ, узнаемъ, что Нетка уѣхала въ Россію вмѣстѣ съ своими голубями, но, что всего удивительнѣе, голубъ Достоевскаго остался и, попрежнему, прилеталъ къ нему каждый день. Нарочно ли оставила его Нетка, или онъ самъ отъ нея улетѣлъ—мы не могли узнать“.